

Красиков Владимир Иванович

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ ПСИХОЛИЗМ КАК ОБОСНОВАНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО АНАЛИЗА АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ТИПОВ

Статья посвящена обоснованию нового возможного подхода к исследованию природы человека. Автор называет такую позицию "рациональным психологизмом", где сочетаются антропо-психологические реалии и рационалистические требования. Этот подход исходит из фундаментальной зависимости существующего многообразия образов мира от различных антропо-психологических типов. Единое основание в них - принадлежность к определенному репертуару объективных антропо-психологических структур, которые единообразны для всех людей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. С. 120-123. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 159.9.01

Философские науки

Статья посвящена обоснованию нового возможного подхода к исследованию природы человека. Автор называет такую позицию «рациональным психологизмом», где сочетаются антропо-психологические реалии и рационалистические требования. Этот подход исходит из фундаментальной зависимости существующего многообразия образов мира от различных антропо-психологических типов. Единое основание в них – принадлежность к определенному репертуару объективных антропо-психологических структур, которые единообразны для всех людей.

Ключевые слова и фразы: рациональный психологизм; метафизика; антропо-психологические типы; трансцендентализм; экзистенциальный анализ.

Красиков Владимир Иванович, д. филос. н., профессор
Российский университет театрального искусства (ГИТИС)
ra.nvarta@gmail.com

**ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЗМ КАК ОБОСНОВАНИЕ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО АНАЛИЗА АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ТИПОВ[©]**

Созданный Э. Гуссерлем и его последователями вариант рационализма породил уничижительный образ «психологизма», реализация которого осуществлялась под флагом борьбы против радикального субъективизма, целью которой был поиск «объективно-сущего» и «безусловного» как самообоснованного. Это привело к утверждению в философии эссенциалистского образа мира, в основе которого лежала абстракция «единого и универсального», где формулы «объективного» (мирообразующие идеи, материя, Бог) были заменены формулами «субъективного» с теми же характерными чертами субстанции (трансцендентальный субъект, феноменологический субъект, *Dasein*).

Конечно, традиционный психологизм, с которым на рубеже XIX-XX столетий активно боролась рационалистическая мысль, противоречит требованиям метафизики, стремящейся постулировать «всеобщее» и «необходимое» в отношениях мира и человека. Поэтому для адекватного и взвешенного понимания человека как «неповторимой типичности» и «типичной неповторимости» необходим такой подход, применение которого позволило бы «обновить» психологизм, представив его в формате рационализма. Условно такую позицию можно назвать «рациональным психологизмом», где гармонично сочетаются рационалистические требования и антропо-психологические реалии. Попытаемся экзистенциально обосновать данное сочетание и продемонстрировать его эвристические возможности.

По-видимому, «радикальный рационализм» и «радикальный психологизм» в «чистом» виде существовать не могут. Первый монистический утверждает в качестве единой и универсальной субстанции «человеческого» всеобщий разум или «чистую мысль», которые имеют единообразное бытийное исполнение и укорененность «вне» самого человека (Платон, Э. Гуссерль), что предполагает необходимость «единой» Истины, единообразной и «адекватной» картины мироздания. Второй же плюралистически настаивает на отсутствии такого единообразия и указывает на многообразие разумов людей, имеющих корреляцию с неповторимой психикой и конкретным жизненным опытом различных индивидов, что предполагает иллюзорность поисков «единой» истины, несоизмеримость картин мира, всегда остающихся всего лишь картинками. Однако в таком радикальном виде эти подходы встречаются редко: *ratio* – у Парменида, Платона, Р. Декарта, Э. Гуссерля; *psychology* – у софистов, античных и новоевропейских скептиков, Д. Юма, «психологистов» XIX в.

Выработанная И. Кантом трансцендентальная позиция формально сохранила установку Р. Декарта по отождествлению бытия и сознания («моего» в отличие от «всеобщего» у Парменида). При этом сознание трактовалось немецким мыслителем как именно «чистое», лишенное всех конкретно-эмпирических свойств [1, с. 486-498]. С одной стороны, сознание – это единое, универсально-видовое и имманентное качество рода *homo sapiens*, т.е. некая общая, антропологическая, архетипическая идеальная структура, соответствующая деятельности нормального мозга человека (порождающего трансцендентальную область). С другой – «чистота» сознания предполагает особый, «рафинированный» режим его бытия, в котором происходит его «очищение» (впоследствии нашедшее свое выражение в методе Э. Гуссерля – «феноменологической редукции»). Сознание «очищается» не только от конкретного поведенческого «наполнения», «фона» жизни людей, но в ходе гомогенизации своего содержания также сводится к единому основанию – мысли. Тем самым, классический рационализм стремится элиминировать из человеческого сознания атрибутивное сопровождение его умственной деятельности – желания, эмоции, побуждения, интересы и т.п. В итоге остается только «чистая мысль», в своей логической «анатомии» содержащая рационально-рассудочные структуры – аксиомы, операции, приемы и правила.

«Радикальный рационализм» исходит из наличия фундаментальной онтологической связи чистой человеческой мысли с более универсальной областью той же сущности (Бог, идеальная сфера всех существующих разумных существ и т.п.). У самого родоначальника новоевропейского трансцендентализма сознание

понимается как «чистое», однако иногда оно объясняется через антропо-психологические характеристики. Здесь достаточно упомянуть априорные (видовые) формы чувственного созерцания, сферу «чистой мысли», где субъективность самого «чистого разума» создает из себя и для себя ряд самоочевидных (непроверяемых эмпирически) идей, которые трактуются им как «обстояния дел самих по себе» [Там же].

Мир для нас, утверждал И. Кант, есть именно наше сознание, ибо за его пределами людям в принципе ничего не дано. Сознание – это дисциплинированная во всем и дисциплинирующая все рационально-рассудочная мысль, по требованию которой отступают на задний план окружающие ее чувственные явления (интересы, желания, эмоции). Именно на это волевое, практическое «самонасилие» мысли как ее основополагающее качество обратили внимание первые последователи И. Канта – «основоположник наукоучения» И. Г. Фихте и «волонтарист» А. Шопенгауэр. Впоследствии активное «пространство мысли» вновь обрело присущие ему «психологические» свойства – в «экзистенции» С. Кьеркегора, «воле к мощи» Ф. Ницше, «творческой эволюции» А. Бергсона, «жизненном порыве» В. Дильтея, Г. Зиммеля, О. Шпенглера и «заботе» М. Хайдеггера [3, с. 191-196, 316-323]. Таким путем был субстанциализирован ряд качеств человека, в результате чего в «легитимное поле» философствования были введены важнейшие вопросы, до этого считавшиеся только «психологическими».

В постклассических учениях осуществляется *метафизикация* – рефлексивное прояснение и сопутствующая ему концептуализация новых, ранее невопросованных, качеств психики и поведения человека. Соответственно этому, но не в ущерб универсальному общеприемлемому требованию всеобщности, в мировоззренческих построениях выдающихся западных мыслителей происходит отход от ригидного и рационалистического монизма и сближение с теоретическим и методологическим плюрализмом.

Тем не менее «рациональный психологизм» не стремится совместить плюрализм и всеобщность. Почему? Потому что плюрализм без основания представляет собой хаос, господство случайности, упразднение значительности и значимости, без которых в принципе не может осуществляться деятельность человеческого сознания. Ведь тотализирующая всеобщность сама по себе девальвирует «различность» бытия индивидов. Лишь сочетание психологизма и рационализма может породить искомую гармонию поливариантности и единого несущего основания. Как же все это следует понимать?

Плюрализм как различность (психологизм) исходит из фундаментальной зависимости существующего многообразия образов мира от различных антропо-психологических типов, а вовсе не от различий индивидуальных психик. Единое основание (рационализм) проявляет себя в констатации общего, но ограниченного репертуара объективных антропо-психологических структур, которые единообразны для всех людей разных исторических эпох и культур и мало зависимы от их конкретно-индивидуальных воплощений.

Означает ли это, что подобные типы биологически жестко детерминируют человеческую жизнь? И да, и нет. Между этими антропо-психологическими структурами (поведения, мышления, действия, проживания) и отдельным живым, ищущим сознанием, которое воплощает в себя такой тип, существуют особые связи и отношения. Здесь в полной мере проявляется принцип индивидуализма: ведь от конкретного сознания личности зависит мера принятия, мера противостояния или мера перестраивания своего типажа. Другими словами, человек может: во-первых, бороться со своими недостатками и ослаблять тягостные зависимости; во-вторых, бездумно подчиняться им в угоду сформированному или усвоенному извне идеалу. Подобные возможности зависят как от степени развитости сознания индивида, его критичности и рефлексивности, так и от целеустремленности и воли человека.

Но что же представляют собой антропо-психологические типы? Это инвариантные и характерные для людей наборы психологических черт (отношения к реальности, эмоционального реагирования), стабильно воспроизводимые в любых человеческих сообществах. В каждой цивилизации, во все периоды истории можно встретить знакомые пары: «оптимист – пессимист», «добровольный раб – свободолубивый», «конформист – бунтарь», «альтруист – эгоист», «гуманист – мизантроп», «гений коммуникации – нелюдим», «гедонист – ригорист», «фантазер – прагматик», «идеалист – материалист», «целеустремленный – живущий только одним днем», «верующий – циник», «моралист – развратник» и др.

Трудно отрицать «сквозную» инвариантность этих типов во всемирной истории и истории мировой мысли, где важную роль играет философия. Создаваемая людьми, принадлежащими к различным антропо-психологическим структурам, философия не может не быть «разной», хотя эта «разность» не абсолютна, а относительна. «Мир» Платона сильно отличается от «мира» софистов или скептиков, «мир» Р. Декарта – от «мира» К. Г. Маркса, «мир» Г. В. Ф. Гегеля – от «мира» А. Камю и т.д. Различие здесь не только в «разности» мыслительных и логических исходных комбинаций – постулатов и принципов философской теории. Также весьма различаются темпераменты и характеры авторов различных мировоззренческих концепций и образов мира. Мыслители отдают им свою душу, наделяют жизненной страстью, которые проявляются в специфических оценках мира, людей и событий, формулировках смыслов и целей, проектированиях возможных перспектив. Поэтому различные философские учения имеют широкий спектр духовных потребителей: от ненавистников до поклонников. Убеждает не рационально-рассудочная логика, не отстраненная от конкретного вектора бытия личности «чистая» смысловая форма, а резонанс жизненной тональности индивидов.

Сознание всегда смыслоориентировано, поскольку ключевые значения определяют параметры его эмоционального, нравственного и ценностного содержания. «Рисунок» этих фундаментальных смысловых ориентаций – в антропологическом характере и темпераменте – органически врожден. Философия же не исчерпывается своими гносеологическими интенциями. Ее задача – не столько познавать мир, сколько

эксплицировать аутентичное содержание индивидуальному сознанию, дать личности шанс обрести себя. Поиск и обретение себя собственными ментальными и волевыми усилиями – очень трудная задача. Гораздо легче искать и обрести себя через самоидентификацию с родственным духом, выразившим свои духовные потенции в философии, религии и литературе.

В истории мысли тон всегда задавали «монисты», рассуждавшие об одном, единообразном и безусловном порядке «вещей» или «сознания». Так возник «эссенциализм» – установка на поиск «сущности», универсальной «формулы» мироздания, которой соответствует однопрофильное исполнение философствующего разума в виде дисциплинированной и «чистой» мысли. При такой установке плюрализм воспринимался с большим подозрением: как бесплодный скепсис, «размывание» основ рациональности, отрицание универсальности разума.

Но отрицает ли психологизирующий плюрализм всеобщность и единое устройство разума? Никоим образом. Все философы мыслят в категориях традиционного отношения «мира» и «человека». Образы мира у них разные, но это, скорее, не плохо, а хорошо. Почему, собственно говоря, все люди всегда должны иметь один единственный способ мышления? «Бытийное исполнение» разума, устроено таким образом, что сама необходимость мышления людей полагается, фундируется и демонстрируется в саморазвертывании его оригинальных воплощений. Данное положение не предполагает принципиальной непохожести мышления, ибо все человеческие разумы *взаимоконвертируемы*. Именно поэтому рационалистическая традиция в качестве основополагающего принципа такой конвертации пыталась обосновать необходимость мышления как такового, апеллируя к априорным формам организации сознания. Но обладая интенциональным характером, вне конкретного личностно-опытного наполнения, эти формы бессодержательны.

Все это напоминает «правила строительства домов» (возведение фундамента, соразмерность основных частей здания, соответствие строительной традиции – «менталитету» архитектуры, функциональность дома, его эстетизм и т.д.), которые воплощаются в многообразии построек, что не мешает им быть «общечеловеческими». При этом никто не исходит из образа «настоящего дома», из принципов «подлинной архитектуры». В философии также есть то, что объединяет ее представителей, обеспечивает им взаимопонимание, фундаментальное, сквозное родство и конвертируемость антропо-психологических типов рода *homo sapiens*, где рациональная мысль является важнейшей, но не единственной составляющей жизненного комплекса (другими его компонентами являются наслаждение, переживание, воление, интерес, оценка, вера и пр.).

Разумеется, в каждом антропо-психологическом типе имеется и некое социокультурное содержание, которое менее влиятельно и более преходяще. На людей в большей степени влияет антропологическое, родовое, нежели историческое. Значимость исторического заключается в определенности временной фиксации, степени развития рефлексивного, критического, индивидуального начал сознания. Другими словами, как мыследеятельность сознание развивается, а как психотип сознание инвариантно. Но обе его формы составляют единое, взаимопереплетающееся целое: с изменением в ходе истории меры рефлексивности, критичности, индивидуализации, а также мысленной активности сознания происходит адекватное изменение специфики того или иного психотипа человека.

Выделяемые нами антропо-психологические структуры имеют устойчивую в веках и весьма точную фиксацию, которая в обыденной жизни зачастую воспринимается как некая «метафизическая легенда». Речь здесь идет о *зодиакально-психологических типажах*. Следует внимательно исследовать эти поразжающие воображение представления о зависимостях характеров, особенностях здоровья и эмоционального проявления людей от времени их рождения. И дело тут совсем не в звездах или планетах: знаки зодиака, как и их социокультурные формы выражения, скорее имеют условно-случайное значение. Тем не менее, на протяжении многих столетий народная наблюдательность и мировоззренческая рефлексия выявили и точно описали важнейшие антропо-психологические типы. Двенадцать их или больше (внутри срока каждого знака зодиака также имеются градации изменчивости), но все они в основном передают психологические и, что для философии важнее всего, *экзистенциальные характеристики* людей.

Но это совсем не означает каузальную зависимость философии от определяемой знаками зодиака психологии. Философия, как и всякая сфера духовной жизни, фиксирует фундаментальные внутренние закономерности, которые коррелируют с характером и темпом мыслительной активности (ее индивидуализацией, самодифференциацией, возникновением новых форм самоорганизации, повышением степени рефлексии и т.д.), тем самым определяя содержательную историю понятий, категорий, принципов и т.п.

При этом обнаруживается влияние зодиакально-психологического типа того или иного мыслителя на его умонастрой, оценку мира и людей, характер его философствования [2, с. 58-106]. Наши представления о мире и человеке удивительным образом оказываются и плюралистичными, и монистичными. Но едины мы в мысли и социуме, а многообразны в антропо-психологическом и этнокультурном исполнениях. Первое и второе дополняют друг друга, поскольку различия эти успешно взаимоконвертируются, а фундаментальная общность существует во множественности различий.

Итак, любое философствование имеет *трансцендентально-психологическую* природу, где четко прослеживается приоритет трансцендентального. Трансцендентализм здесь интерпретируется как утверждение об *априорно-видовой заданности самой сферы сознания и ее компонентов*: априорных форм созерцания пространства и времени, «его»-центризме сознания в целом, всеобщих принципах спонтанно-культурной организации. Сфера трансцендентального (сознания) выступает имманентным качеством собственно антропологического, где разум имманентен познающему и волящему человеку, а рефлексия – его разуму. Именно это универсализует философию, несмотря на ее личностное воплощение. «Всеобщность» и «необходимость»

самой философии заключается не в том, что она обретает некую аутентичную форму всегда «истинного» проекта, а в том, что ее различные учения взаимоконвертируемы, взаимопереводимы и взаимопонятны в различных метафизически-ценностных системах отсчета.

«Трансцендентальный психологизм» признает историко-философские реалии – радикальную множественность учений и систем, зависящих от личностной направленности размышлений «по призванию». Главное здесь – рефлексивная природа самой философии, проявляющаяся в самообретении мыслителем своего «я», реализации жизненного проекта и формулировании принципов личностного видения реальности. Каким бы гениальным ни был философ, он не может полностью абстрагироваться от своей «органики»: витальности, тела, характера, темперамента. На его «идеалистическое» «я» большое влияние оказывают всеобщие, законосообразные, повторяющиеся зодиакально-психологические типы, которые наполняются конкретным интеллектуальным и автобиографическим содержанием. Все это напоминает априорные формы пространства и времени, формирующие конкретный эмпирический материал в структуры того, что люди называют «реальностью».

Но это вовсе не значит, что конкретное психологическое «наполнение» человеческого сознания определяет специфику того или иного философского учения. Речь здесь идет о характере, который выражает в своей концепции философ, относящийся к определенному антропологическому психотипу. Это обстоятельство задает потенциальную адресность любой теории, которая не всегда и не в полной мере осознается ее создателем. Философские учения «вечны» и инвариантны для людей, поскольку «вечен» и инвариантен общечеловеческий фонд характеров. Люди различных психоэмоциональных складов, экзистенциальных ориентаций и умоустроений находят соответствующие их типу метафизические конструкции, подходящие для них описания реальностей, в которых они могли бы и хотели жить. Ведь такие концепции создают философы общего с ними психотипа. Индивиды узнают близкое для них «по духу», входят в резонанс с умоустроениями философов, принимая (или не принимая) их вместе с координатами реальностей, которые формируют интеллектуальные конструкции их учений (коррелирующих с характерами этих людей). В этом «трансцендентальный психологизм» как специфическое воззрение на природу философии, как определенный взгляд на своеобразие бытия индивидов, отличен от экзистенциализма.

Во-первых, осуществляя экзистенциальный анализ заявленной проблематики, мы ведем речь о принципиальной типизованности бытия человека, т.е. об антропо-психологической классификации его существования. Разумеется, эта типизованность сама погружена в контекст конкретной социокультурной изменчивости, в рамках которой следует учитывать особенности социума, специфику этноса, характер эпохи, меру персонализации. Но социокультурная конкретность не может закрыть от нас «вечность», неизменность, инвариантность основных характеров людей, т.е. психотипов, которые находят свое выражение во всех духовных явлениях, в том числе и в самом содержании философии в силу имеющейся у нее имманентной личностно-рефлексивной ипостаси (наряду с изменчивой ментально-всеобщей ее ипостасью). Во-вторых, из этого вовсе не следует, что человеческое бытие является неповторимым и уникальным, напротив, это бытие удручающе однообразно и всякий раз определенным образом задано (космо-био-ритмами, своим антропологическим исполнением, данным социумом).

*Уникальность и неповторимость – наивысшая «метка» бытия человека, его «приз», недостижимый образец, к которому безнадежно стремится живущая в условиях повседневности основная масса индивидов. Уникальность и неповторимость для людей должны быть вещественно, предметно, действенно и знаково воплощены – будь это пирамида, клинопись, научное открытие, книга, неблагоприятный поступок Герострата или завоевательный поход Чингиз-хана. Таким образом, в отличие от экзистенциализма «трансцендентальный психологизм» более трезво смотрит на человечество, осуществляя экзистенциальный анализ всего «человеческого потока» и не отождествляя человека вообще с отдельными «экстремалами» вида *homo sapiens*.*

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 592 с.
2. Красиков В. И. Этюды самосознания. М. – Берлин: Директ Медиа, 2014. 400 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.

TRANSCENDENTAL PSYCHOLOGISM AS JUSTIFICATION OF EXISTENTIAL ANALYSIS OF ANTHROPOLOGICAL TYPES

Krasikov Vladimir Ivanovich, Doctor in Philosophy, Professor
The Russian University of Theatre Arts (GITIS)
ra.nvarta@gmail.com

The article is devoted to the justification of a new possible approach to the study of human nature. The author names this position “rational psychologism”, where anthropo-psychological realia and rationalistic requirements are combined. This approach is based on the fundamental dependence of the existing diversity of the world images on various anthropo-psychological types. The common ground in them is belonging to a particular repertoire of objective anthropo-psychological structures that are uniform for all people.

Key words and phrases: rational psychologism; metaphization; anthropo-psychological types; transcendentalism; existential analysis.